

Без остановки мчатся в императорский дворец, Жун Тянь с головы до ног уже покрылся толстым слоем пыли и грязи, которые оседали и на остальных слугах, скрывая их человеческий облик.

Тун Цзяньмин, узнав, что император возвращается в Силэй, поспешил встретить его и с изумлением сказал:

— Почему государь так торопится? Тун-эр беспокоился о государе и, сказав, что хочет сообщить государю о самочувствии вдовствующей императрицы, лично направил войско к Вашему Величеству. Неужели государь по дороге не встретил его?

— Встретил, я приказал ему отправляться в лагерь. — Нисколько не замедляя шаг, Жун Тянь спешно спросил: — Самочувствие матушки-императрицы улучшилось?

Тун Цзяньмину ничего другого не оставалось, как спешно следовать за императором:

— Намного лучше, вчера уже не принимала отвар из лечебных трав и выходила прогуляться в сад. Куда государь так торопится?

— В покои наследного принца.

В покоях наследного принца ничего не изменилось. Фэн Мин специально приказал так сделать, только подвесные качели, на которых они сидели вдвоём, сейчас были усыпаны осенней листвой. Также юноша любил лежать на блестящей, словно зеркало, деревянной, мощённой камнем кровати [1], поедая новые кулинарные изыски, приготовленные Цю Лань.

Цю Лань и близняшки, будучи служанками князя, не последовали в Силэй, потому в покоях наследного принца занимались уборкой лишь служанки низкого ранга. Увидев внезапно появившегося императора Силэй, девушки растерялись, спешно поприветствовали его и послушно, не проронив ни слова, удалились.

Приподняв руку, мужчина толкнул главные двери, которые медленно с писком открылись. Осмотрев обстановку комнаты, словно везде таилась тень Фэн Мина, Жун Тянь, сдерживая волнение в груди, тихо позвал:

— Фэн Мин, я приехал за тобой.

Однако в царящей тишине разве раздастся ответ?

Мужчина терпеливо дважды позвал, как внезапно сзади донёсся робкий женский голосок:

— Государь, призывать душу, боюсь, нужно в присутствии наставника[2], сведущего в

заклинаниях и талисманах, который будет давать указания.

Оказывается, это была Цай Цин. Она последовала за императором Силэй в столицу, и хоть девушка сидела в повозке, она также измучилась от тряски, её лицо осунулось и выглядело крайне измождённым.

Когда с князем случилось несчастье, с ним остались только приближённые служанки, и лишь Цай Цин являлась новенькой. Только из-за этого Жун Тянь уже стал относиться к ней с подозрением, поэтому не пожелал оставлять служанку возле Фэн Мина, а специально, ссылаясь на повод прислуживать ему, приказал девушке отправляться следом.

Жун Тянь, глубоким взглядом окинув служанку, кивнул и сказал:

— Верно. — И, громким голосом призвав стоявшего за дверью охранника, приказал: — Пригласи господина Лу Даня сюда, а что касается лекарственных снадобий, которые ему нужны, этот император уже дал указания Тун Цзяньмину, и скоро они будут в его распоряжении.

Получив приказ, охранник вышел.

После долгого ожидания Цай Цин, которая до этого, опустив руки, стояла возле Жун Тяня, чувствуя неловкость и бледнея, не услышала приказа государя, так как отправилась на кухню за горячей водой и, заварив ароматный чай, подала его императору Силэй.

— Государь, прошу, выпейте чаю.

Жун Тянь, всё время трудившийся не покладая рук, действительно изнемогал от жажды и уже собирался взять чашечку, как внезапно в опочивальню вернулся только что отосланный охранник. Мужчина тяжело дышал, его лицо было очень странным, а сам слуга упал на колени и доложил:

— Государь, господин Лу Дань умер!

— Что? — Жун Тянь тотчас же изменился в лице.

Раздался звон: чашечка, что была в руках Цай Цин, выскользнула и, упав на каменный пол, разбилась вдребезги.

Император Силэй неожиданно сделал пару шагов назад, с большим трудом вернув себе стойкость, собрался подробно обо всём расспросить, но в это время, к счастью, дверь открылась, и на пороге оказался Тун Цзяньмин, который, обливаясь холодным потом, доложил:

— Тун Цзяньмин, услышав о том, что случилось с господином советником, тотчас же явился осмотреть тело. Хоть человек и мёртв, однако тело принадлежит не Лу Даню.

Уже успокоившись, Жун Тянь, тихо посмотрев, резко вздрогнул, его взгляд упал на красавицу Цай Цин. Мужчина сел и, понизив тон, сказал:

— В конце концов, что происходит? Подробно объясни.

— Государь, этот человек очень похож на господина советника, на нём одежда и украшения господина советника, однако на лице была маска, сделанная из какого-то диковинного материала. Он умер, приняв яд, тёмная кровь, что изо рта стекала, смочила маску, создавая складку. Тун Цзяньмин как только это увидел, сразу понял, что это не Лу Дань. — Держа в двух руках, генерал Тун протянул вещь, которая была выкрашена в телесный цвет, имитируя кожу. — Эту маску я сорвал с мёртвого лица, прошу государя взглянуть на неё.

Взяв и лишь мазнув по маске взглядом, Жун Тянь в клочья порвал её без какой-либо жалости. Переведя острый, как клинок, взгляд на охранника, мужчина сказал:

— Неужели вы не разглядели, Лу Дань ли сидит в своей повозке или самозванец? Перед поездкой он поменялся с Лу Данем, или Лу Дань сбежал на половине пути?

Охранник, который весь путь следовал за императором Силэй, также, как и все, был измучен долгой дорогой, однако стоило ему доложить о случившемся с Лу Данем, как тотчас же навлёк на себя беду. Обида охватила душу, мужчина содрогнулся от страха и, тотчас же опустив голову, проговорил:

— Государь приказал никому не тревожить советника, так как господину Лу Даню по возвращении во дворец понадобится много сил, чтобы выполнить важное дело. Также государь добавил, что господин советник нуждается в покое, пока будет заниматься совершенствованием и плавкой собственной изначальной ци. Потому весь путь приходилось оставлять еду и воду возле дверей его повозки, прося советника забрать их и перекусить. Какой подчинённый осмелился бы трогать лицо советника и смотреть, настоящий ли он или самозванец?!

Жун Тянь не проронил ни слова.

С самого начала Лу Дань вёл крайне умную игру, к тому же лично требовал отправиться вместе с Жун Тянем в столицу, дело дошло до того, что у самого императора Силэй и мысли не возникло, что этот советник Дунфань может сбежать на полпути. Если это коварный план, то после возвращения в столицу этот план должен был претвориться в жизнь. От подобных мыслей мужчина отведал вкус поражения.

Жун Тянь, прищурившись, тщательно осмысливал происходящее.

Лу Дань потратил столько мыслей именно ради того, чтобы сбежать? А если не только для этого, то какую ещё преследовал цель?

— Неужели это ради Фэн Мина? — В глазах Жун Тяня свернул блеск раненого хищника. Этот таинственный блеск, мелькнув, также внезапно исчез. Мужчина сдерживал себя, чтобы опрометчивый гнев не затмил трезвого взгляда на вещи.

В опочивальне наследного принца все почувствовали необычное напряжение, от которого воздух стал удушливым. Никто не осмелился проронить и слова.

— Даже если Лу Дань жив, он всё равно уже ничего не сможет сделать, — заставив себя успокоиться, Жун Тянь начал неспеша размышлять. — Дунлин и Тун-эр знают о шпионе и примут жёсткие меры. Фэн Мин под защитой многочисленной армии, ещё там Цю Лань и две преданные князю служанки, к тому же скоро вернётся Жун Ху с Ле-эром...

Объяснения себе закончились, и мужчина перевёл взгляд на находящуюся в стороне Цай Цин, заставляя последнюю задохнуться под тяжестью императорского могущества.

— Цай Цин, имеешь ли ты какое-то отношение к Лу Даню?

Лицо служанки стало мертвенно-бледным, узнав о смерти Лу Даня, девушка выронила из рук чашечку, словно поражённая молнией. Однако сейчас, услышав вопрос государя, который был преисполнен императорской мощи, служанка мелко задрожала всем телом, ресницы безостановочно затрепетали, а сама девушка, подняв взгляд и посмотрев на величественного Жун Тяня, почувствовала, как сердце бешено забилося в груди, а на лице отразился страх, и растерянно покачала головой:

— Не имею... не имею...

— Не имеешь? — Жун Тянь угрожающе прищурился. — Тун Цзяньмин.

— Здесь.

— Сейчас же отправь людей в лагерь, у Цай Цин там остался сын — Цай Цян, привези мне его голову.

— Государь, не надо! — Служанка ещё больше побледнела от страха и, бросившись на колени, крепко обхватила ноги Жун Тяня, печально говоря: — Государь, ни в коем случае не делайте этого! Ваша служанка расскажет всё, что пожелаете, только умоляю, пощадите Цай Цяна.

Жун Тянь тихо зарычал:

— Говори!

— В прошлый раз старшая сестрица Цю Лань тайком подсмотрела рецепт повара Дунфань, и неизвестно как, но господин Лу Дань узнал об этом. Когда старшая сестрица Цю Лань готовила пищу, то пожелала, чтобы я помогла ей принести в миске свежую кровь оленя, тогда господин Лу Дань подозвал меня к себе и вручил миску с кровью. Думая, что это свежая кровь оленя, я отдала миску старшей сестрице Цю Лань, и она добавила её в еду.

Над головой раздался скрежет зубов императора Силэй.

— Ты, являясь приближённой князя Мина, неожиданно подлила ему в еду то, что дал тебе чиновник другой страны? А если Лу Дань подсыпал туда яда, выживет ли Фэн Мин? Лишь основываясь на этом, уже можно всю твою семью приговорить к обезглавливанию!

Цай Цин отчаянно покачала головой, говоря:

— То, что было в миске, Ваша служанка проверила с помощью серебряной иголки[3], чтобы понять, отравлено или нет. Старшая сестрица Цю Лань также, прибегнув к этому способу, проверила на яд, после чего добавила кровь в еду князя Мина.

— Тупица! Даже если не отравлено, не стоило неизвестно что подмешивать Фэн Мину в еду. Неужели Лу Дань без яда не может наложить проклятие? — Жун Тянь спешно прикинул в уме: — Кто знает, может, необычная скоропостижная смерть Сун Тэна и та странная кровь как-то связаны.

После небольшой передышки вновь раздался вопрос:

— Какую услугу оказал тебе Лу Дань?

Цай Цин, поколебавшись немного, ещё ниже опустила тонкую талию и шёпотом ответила:

— Господин сказал, что может вернуть душу умершего человека, поэтому...

— Абсурд! — множество раз прокричал Жун Тянь и, ненадолго замолчав, ещё сильнее нахмурился.

Сейчас оказалось, что душа Фэн Мина совершенно не покидала тело, а сам князь впал в забытие, вкусив то, что дал Лу Дань. Ненавистный советник всё тщательно просчитал и с помощью лекарственного снадобья вызвал сильное возбуждение, после которого заставил Фэн Мина впасть в забытие. Воспользовавшись странной смертью Сун Тэна, он подлил масла в огонь [4], затем создал необыкновенно зловещую обстановку и, используя то, что душа Фэн Мина уже однажды переселялась, смог убедить, что душа покинула тело. Да так, что даже сам император Силэй, не сдержавшись, поверил в лукавые речи Лу Даня.

От подобных мыслей Жун Тянь невольно вздохнул с облегчением, во всяком случае, если Фэн Мин просто впал в забытие, то это, конечно, намного лучше, чем совсем лишиться души. Кто знает, может, на следующий день, после отъезда Жун Тяня, Фэн Мин пришёл в себя.

Только из-за чего Лу Дань потратил столько сил, чтобы отослать его и остаться с Фэн Мином?

Даже если Лу Дань устроит засаду солдатам в Юньинь, у него совершенно не получится вторгнуться в главный лагерь и силой увезти Фэн Мина.

Будучи всё ещё у ног мужчины, Цай Цин тихо плакала, император Силэй, увидев её, тотчас же впал в ярость и холодно проговорил:

— Ты, сговорившись с чиновником из другого государства, чтобы погубить Фэн Мина, не заслуживаешь никакой пощады. Твою семью следует приговорить к обезглавливанию, только твой сын ещё маленький, да и ради блага Фэн Мина, этот император пощадит его жизнь. Эй, стража, выведите её отсюда. Более того, направьте людей в главный лагерь с приказом: оскотить [5] Цай Цяна и отправить во дворец, где всю оставшуюся жизнь он проведёт прислугой.

Цай Цин уже давно учла, что непременно умрёт, поэтому просто позволила охранникам взять себя под руки и направить к выходу. Однако услышав последние слова Жун Тяня, она звонко крикнула и, неизвестно откуда набравшись сил, неожиданно оттолкнула мужчин и вновь бросилась к ногам императора Силэй. Громко плача, служанка заговорила:

— Государь, Цай Цян ещё маленький, пощадите его!

— Этот император уже пощадил его, простив преступление, которое карается смертной казнью.

Охранники тотчас же потащили её прочь, но Цай Цин, крепко обняв ногу Жун Тяня и видя, что вот-вот её оттащат, невольно стиснула зубы и пронзительным и в то же время дрожащим голосом крикнула:

— Нельзя так поступать с Цай Цяном, он — сын князя Мина! Он родной сын настоящего наследного принца Ань Хэ[6]! — Когда девушка выкрикнула это, все тотчас же замерли.

Жун Тянь, неспешно опустив голову, уставился на Цай Цин, блеск в глубине его глаз, казалось, увеличился в несколько раз. Тихим и глубоким взглядом окинув служанку, мужчина шёпотом спросил:

— Цай Цян является кровью и плотью Ань Хэ?

— Верно.

— В таком случае... Ань Хэ знал?

— Он... — Цай Цин поджала губы и, чувствуя отчаяние, смешанное с разбивающей сердце сладостью, с ноткой нежности проговорила: — Он знал. Он хорошо относился ко мне, встречался со мной с особой осторожностью, не позволяя кому бы то ни было узнать об этом, ведь если бы эта тайна раскрылась, то со мной случилась бы беда. Когда я забеременела, он был очень счастлив, помог мне перейти на мелкую и спокойную работу и ждал появления Цай Цяна. — Возможно, от драгоценных воспоминаний скоротечной любви на нежном лице девушки появилась шелковинка очаровательной и до крайности лёгкой улыбки.

— Ань Хэ, вероятно, так и не увидел рождения Цай Цяна... — Неизвестно о чём подумав, Жун Тянь внезапно поменялся в лице и вновь свирепо посмотрел на Цай Цин: — Слух о подмене душ во дворце наследного принца ты распустила?

— Верно, я. — Служанка смахнула с щеки слезу, тайна была раскрыта, однако, вопреки этому, девушка больше не беспокоилась о подобном. Несмотря на вкус отчаяния, что сквозил в словах, служанка под убийственно-острым взглядом императора ответила: — Когда родился Цай Цян, я вновь оказалась во дворце наследного принца и всем сердцем надеялась встретиться с Ань Хэ. Однако он... он сильно изменился: когда я проходила перед ним, он совсем меня не узнавал, не говоря уже о чём-то другом. Я поняла, что это не он, хоть внешне и телом это был Ань Хэ, однако это была совершенно другая душа. — После сказанного Цай Цин стала ещё импульсивнее и, обнажив недовольство, надрывно прокричала, обращаясь к Жун Тяню: — Государь, Вас обманули! Он не наследный принц Ань Хэ! Это злой дух, убивший душу наследного принца, этот дух занял его тело, сведя в могилу наследного принца Ань Хэ!

Жун Тянь грубо схватил и поднял служанку, его пристально смотрящие глаза были больше, чем бубенцы. Скрежеща зубами, мужчина процедил:

— Оказывается, это ты пустила слух, что Фэн Мин — переселившийся дух, позволив Лу Даню получить удобный случай. То есть ты сговорила с Лу Данем не только, чтобы скрытно подлить в еду Фэн Мина кровь, но и рассчитывала, воспользовавшись силой советника Дунфань, изгнать из тела душу Фэн Мина, чтобы после вернуть душу Ань Хэ. Неудивительно, что, услышав о смерти Лу Даня, ты даже чашку с чаем выронила из рук. Хм, вот только Лу Дань тоже использовал тебя, он вовсе не собирался возвращать душу Ань Хэ! — И Жун Тянь безжалостно бросил Цай Цин на пол.

Слова, что произнёс император Силэй, попали в сердце, разбивая все надежды и ввергая служанку в растерянность, отчего сама Цай Цин пробормотала:

— Он использовал меня, он говорил, что нужно выполнить всё, что скажет, и тогда отец Цай Цяна сможет вернуться...

Однако Жун Тяня ещё сильнее охватило дурное предчувствие.

Если Лу Дань прекрасно знал о переселении души, тогда подсланный убийца, при котором было заклинание, весьма вероятно, тоже его рук дело, также Лу Дань отправился в Силэй с целью встревожить колдовством Жун Тяня и Фэн Мина.

Когда советник отсылал письмо о прощении займы зерна, то уже вынашивал коварный замысел, который совсем недавно воплотил в жизнь. Прощение зерна было ложью, а правда была в том, чтобы с помощью небесно-земного кольца соблазнить сидящего под охраной несчастного Фэн Мина.

Такой способ заманивания в ловушку на самом деле был невообразим и крайне коварен.

Мужчина измерил шагами комнату, однако на душе спокойней не стало. Наверняка у Лу Дая есть ещё план, ведь он потратил так много усилий и не мог вернуться с пустыми руками. У него есть ещё какой-то замысел. Может ли он выкрасть Фэн Мина из-под носа многочисленной армии и охраняющих его приближённых слуганок?

Ужасная мысль внезапно пронзила разум мужчины. Шаги остановились. Жун Тянь развернулся, его брови были ещё больше нахмурены. Император Силэй серьёзно проговорил:

— Раз уж Ань Хэ скоро собирался стать отцом от любимой сердцу женщины, так почему же тогда захотел броситься в реку? Когда его вытащили из воды, кроме придворного лекаря и внешней прислуги, кто ещё там был?

Воздух вновь сгустился, а холод, исходящий от каменного пола, проникал прямо в кровь.

Тун Цзяньмин, явно зная, о ком подумал Жун Тянь, резко изменился в лице и в смятении посмотрел на императора Силэй, который, в свою очередь, глядел на него:

— Кажется... кажется, там ещё был Тун-эр.

— Тун-эр? — И мужчина пробормотал: — Тун-эр всегда презирал Ань Хэ. Когда тот упал в воду, почему он так обеспокоился? — Разум внезапно осенила мысль, раскрывая основную суть, лицо Жун Тяня внезапно помрачнело, а сам он, скрежеща зубами, процедил: — Тун-эр заслуживает смерти, так как это он толкнул Ань Хэ в воду! В тот день Ань Хэ получил титул наследного принца Силэй, после его смерти наследным принцем стал бы Тун-эр.

Если Лу Дань узнал и об этом, то с помощью шантажа сговор между Тун-эром и советником Лу Данем не мог не возникнуть. Сейчас, задумавшись, мужчина понял, что отправка Тун-эра в главный лагерь в связи с обнаружением шпиона являлась удачным совпадением. Жун Тянь пинком распахнул ворота и громко крикнул:

— Эй, кто-нибудь! Немедленно седлайте лошадей, сейчас же возвращаемся в лагерь!

Лу Дань, выйдя из-под контроля, обратит свой хищный, как у тигра, взгляд на Фэн Мина. А главный лагерь, где сейчас под охраной находился юноша, в данную минуту оказался в руках Тун-эра.

Опасность нависла над головой юного князя.

Примечания:

[1] Что-то наподобие турмалинового матраса, в который вшиваются кристаллы турмалина, точнее турмалиновые диски, обладающие лечебными свойствами.

[2] В оригинале Лу Даня зовут «гоши», что означает и наставник наследного принца (не путать с тайфу, который, кстати, тоже является наставником наследного принца), к тому же это название придворной должности при дин. Хань, а также это ещё и почётный титул монаха при династиях Юань и Мин.

[3] Издавна было принято, класть на час-другой серебряную ложку/иглу в ту еду, которая могла оказаться ядовитой, например в блюда из грибов. Если ложка/игла оставалась такой же, какой и была, то блюдо можно было спокойно есть. Если же ложка/игла чернела, то блюдо выбрасывалось.

[4] В оригинале фраза звучит как «подгоняя волны, создавать бурю», обр. в знач.: усилить; подлить масла в огонь.

[5] Кастрировать.

[6] Цай Цин до сих пор считает, что Ань Хэ настоящий наследный принц, а не Жун Тянь.

<http://bllate.org/book/13377/1190132>